

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

16–18 ИЮНЯ 2011

НОВЫЕ ПУТИ ДОСТИЖЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Обеспечение глобального экономического роста

17 июня 2011 г. — 14:00–15:30, Павильон 7А, Зал 7.1

Санкт-Петербург

2011

Изменения в структуре спроса, новые технологии, политическая нестабильность на Ближнем Востоке и стихийное бедствие в Японии — вот лишь некоторые из факторов, формирующих облик нового глобального интегрированного рынка энергетических ресурсов. Правильное распределение этих ресурсов имеет ключевое значение для обеспечения энергетической безопасности в будущем.

С участием Президента Российской Федерации **Дмитрия Анатольевича Медведева**, а также глав крупнейших мировых энергетических корпораций

Модератор:

Райр Симонян, Председатель совета директоров, ООО «Морган Стэнли Банк»

Выступающие:

Доктор Дэниэл Ергин, Основатель и Председатель, IHS Cambridge Energy Research Associates Inc.

Игорь Сечин, Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации

Нобуо Танака, Исполнительный директор, International Energy Agency

Участники дискуссии — руководители энергетических корпораций:

Вагит Алекперов, Президент, член совета директоров, Председатель правления, ОАО «ЛУКОЙЛ»

Нильс Андерсен, Партнер и Главный исполнительный директор, A.P. Moller-Maersk

Владимир Богданов, Генеральный директор, ОАО «Сургутнефтегаз»

Антонио Бруфау, Председатель правления, Президент, Repsol YPF

Паул ван Гелдер, Председатель правления, Президент, N. V. Nederlandse Gasunie

Питер Возер, Главный исполнительный директор, Royal Dutch Shell Plc.

Андрей Галаев, Главный исполнительный директор, Sakhalin Energy Investment Company Ltd.

Тронд Гиске, Министр торговли и промышленности Норвегии

Роберт Дадли, Главный исполнительный директор и Исполнительный член совета директоров, BP Plc.

Ив-Луи Даррикаррер, Президент по разведке и добыче, Total SA

Нил Даффин, Президент, Exxon Mobile Development Company

Александр Дюков, Председатель правления и Генеральный директор, ОАО «Газпром нефть»

Сергей Кириенко, Генеральный директор, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»

Фульвио Конти, Главный исполнительный директор, Генеральный управляющий, Enel SpA

Яцек Кравец, Президент, Главный исполнительный директор, PKN ORLEN

Марсел Крамер, Главный исполнительный директор, South Stream

Питер Кэдди, Директор по развитию бизнеса, Argus Media

Хельге Лунд, Главный исполнительный директор, Statoil ASA

Алексей Миллер, Заместитель председателя совета директоров,
Председатель правления, ОАО «Газпром»

Джей Прайор, Вице-президент по развитию корпоративного бизнеса,
Chevron Corporation

Доктор Бернхардт Ройтерсберг, Член правления, E.ON AG

Жан-Франсуа Сирэлли, Вице-председатель совета директоров и
Президент, GDF

Паоло Скарони, Главный исполнительный директор, eni

Сергей Франк, Генеральный директор, ОАО «Совкомфлот»

Герман Хан, Исполнительный директор, ТНК-BP

Эдуард Худайнатов, Президент, ОАО «НК „Роснефть”»

Р. Симонян:

Дамы, господа, уважаемые участники Форума, мы начинаем работу сессии. Мы собираемся почти в одном и том же составе третий год, если говорить о панелистах, и каждый раз результаты бывают достаточно интересными, а иногда даже неожиданными. Два года назад, когда нефть падала, и никто не мог предсказать, что с ней произойдет, когда она была где-то в районе 40-50 долларов, мы проголосовали, и ценовой диапазон, который устраивал и производителей, и потребителей, оказался между 75 и 80 долларами. И, как ни удивительно, этот прогноз оказался абсолютно правильным на весь следующий год. В прошлом году ситуация была совсем иной. Мы проголосовали за цены на газ, и подавляющее большинство решило, что они не поднимутся выше 300 долларов. Здесь, в зале, сидит один человек, которого это так возмутило, что он потом довольно долго объяснял всем: цены не могут быть ниже 300 долларов и будут на самом деле выше. Так и оказалось. Этот человек — Алексей Миллер.

В этом году у нас иная тема: энергетическая безопасность. И я хотел бы представить вам участников сессии, панелистов, которых в принципе представлять уже не надо. Игорь Иванович Сечин, заместитель председателя правительства Российской Федерации. Господин Танака, глава Международного энергетического агентства (МЭА). Господин Дэниэл Ергин, глава одной из наиболее известных исследовательских фирм в области энергетики, CERA, и, как вы знаете, один из ведущих специалистов в этой сфере. Дэн, где твоя книга? Он только что опубликовал новую книгу. Есть у Вас лишний экземпляр?

Р. Симонян:

<нет звука> (00.02.25)...Сечина, что это лучший маркетинг... о'кей.

И. Сечин:

Ведите себя, пожалуйста, прилично, и тогда, может быть, Вам тоже подарят книгу.

Р. Симонян:

О'кей. Игорь Иванович, Вы могли бы начать сессию? Пожалуйста.

И. Сечин:

Вы командуете. Я, прежде всего, хочу от всего сердца поблагодарить участников сессии, уважаемых коллег, наших глубокоуважаемых экспертов, господина Танаку, господина Ергина за участие в нашем традиционном Форуме. Прошедшие 12 месяцев характеризовались значительными потрясениями на энергетических рынках, увеличением спроса и определенным недостатком предложения, существенным ростом цен на энергоресурсы. Ряд причин этого лежат на поверхности. Это несколько техногенных и геополитических шоков, которые никто не мог предсказать. Это катастрофа в Мексиканском заливе, трагедия на АЭС «Фукусима», события на Ближнем Востоке.

Не хочу драматизировать эти события, подчеркну лишь одно: какие бы модели мы ни строили, в будущем энергетические рынки ждут неизбежные сюрпризы, которые могут иметь различную природу — техногенную, экономическую, политическую, а также быть связанными со структурой и регулированием рынков. Возникающие потрясения, перебои в предложении энергоресурсов будут оказывать существенный экономический эффект по понятным причинам. Рынки энергоресурсов чрезвычайно инерционны. В то же время, сложившийся механизм ценообразования, прежде всего, на нефтяном рынке, включает в себя заметные элементы конъюнктурного, спекулятивного характера, в результате чего волатильность цен чрезвычайно высока. В этих условиях именно инвестиции в реальный сектор экономики способны привести к определенному оздоровлению

мирового рынка. Как пример, приведу введение в строй нефтепровода на севере провинции Альберта в Канаде, проект «Кейстоун», что привело к возникновению дисконта нефтяной смеси WTI по сравнению с Brentом.

Отметим также явно недостаточную прозрачность в плане управления средствами со стороны крупнейших финансовых агентов страны, ставших крупнейшими участниками сырьевых рынков, в плане принятия ими инвестиционных решений. Во многих случаях речь идет об управлении средствами миллионов частных лиц, так называемых пассивных инвесторов. Объемы находящихся под их управлением активов исчисляются в сотнях миллиардов и даже триллионов долларов. Интересы этих участников, законные интересы, могут не совпадать с задачами обеспечения стабильности и предсказуемости, так как они умело используют неэластичность спроса на энергоресурсы, применяя современные, чисто финансовые механизмы, при которых именно нестабильность, волатильность является источником прибыли.

Мы не можем оставаться заложниками неконтролируемого развития событий. Россия в полной мере интегрирована в глобальный энергетический рынок, мы это остро почувствовали, когда резкий рост мировых цен на нефть привел к скачку цен на моторное топливо внутри нашей страны. И потребители, и производители энергоресурсов должны корректировать свои подходы, чтобы обеспечить устойчивое и прогнозируемое развитие рынка энергоресурсов. Давайте вместе посмотрим, что могут сделать правительства и крупнейшие энергетические компании, чтобы минимизировать последствия подобных шоков в будущем.

Как бы мы ни оценивали темпы экономического роста в различных странах и регионах, а также тенденции в области повышения энергоэффективности, рост населения и доходов в мире, — прежде всего, в странах с быстрорастущими рынками, особенно в Азии, — будет сопровождаться увеличением глобального спроса на энергоресурсы. Господин Танака

сегодня нам расскажет о вероятных сценариях развития спроса и предложения на энергоресурсы, как это видится Международному энергетическому агентству. Не буду подробно останавливаться на этом, отмечу лишь, что, несмотря на тяжелый финансово-экономический кризис последних лет, спрос на энергоресурсы за первое десятилетие XXI века вырос приблизительно на 30% — с 9,4 миллиардов тонн в нефтяном эквиваленте в 2000 году до 12 миллиардов тонн в нефтяном эквиваленте в 2010 году. Согласно текущему сценарию Международного энергетического агентства, прогнозируется увеличение спроса на энергоресурсы еще на 36% — до 16,3 миллиардов тонн в нефтяном эквиваленте к 2035 году. Каковы же возможности удовлетворить этот растущий спрос? На слайде можно увидеть современную структуру энергобаланса, в которой основную роль играет углеводородное сырье.

Может ли данная структура в будущем существенно измениться за счет новых, нетрадиционных источников? Вряд ли. Давайте попробуем оценить альтернативы. Ядерная энергетика: в свете трагедии на АЭС «Фукусима» перспективы дальнейшего развития атомной энергетике у многих вызывают вопросы. Первая, естественная реакция — отказаться от ее дальнейшего использования. И некоторые страны стали на этот путь. Это их право. Не все, конечно, последуют их примеру. Мы, в свою очередь, считаем, что строительство АЭС — новых, безопасных, экологически чистых, — не является утопией, и у атомной энергетике есть будущее. Будущее — за новыми технологиями, в том числе за реакторами на быстрых нейтронах. Как бы то ни было, предстоящий вывод из эксплуатации устаревших АЭС и определенное сокращение темпов роста ядерной энергетике должны быть компенсированы за счет иных источников: об этом надо думать.

Есть возобновляемые источники энергии: гидроэнергетика, энергия ветра, биотопливо, солнечная энергия. Мы согласны, что роль возобновляемых источников энергии должна возрастать. С учетом наших ресурсов и

приоритетов, мы активно участвуем в процессах развития гидроэнергетики, использования биомассы, ветровой и солнечной энергии, инновационных технологий выработки, передачи и использования электроэнергии. Вместе с тем, мы обращаем внимание на то, что быстрый рост использования возобновляемых источников, как правило, высокзатратен и опирается на прямую поддержку, на субсидирование со стороны государства, что приводит к немалым дополнительным издержкам для потребителей.

Природный газ. Особое внимание необходимо уделить роли природного газа в энергетическом балансе будущего. Во-первых, доказано, что его запасов достаточно для удовлетворения мировых потребностей в газе на протяжении многих десятков лет. Во-вторых, газ — это чистое, с точки зрения экологии, топливо, а расширение его использования позволит внести вклад в решение проблем, связанных с возможным изменением климата. В-третьих, газ способен эффективно работать в тандеме с новыми энергоисточниками, страхуя от рисков, вытекающих из нестабильности и прерывания генерации электроэнергии.

Вместе с тем, на ряде рынков мы видим нарастание серьезной непредсказуемости: например, связанной с введением в ЕС третьего энергопакета и подготовкой последующих решений по его реализации. Уверен, что уважаемые коллеги из МЭА и CERA подтвердят эти мои оценки. Мы ведем активный диалог с Евросоюзом по этим вопросам и ждем от партнеров выработки более согласованных позиций, гарантирующих безопасность спроса и предложения. Из всего вышесказанного следует достаточно очевидный вывод: в обозримой перспективе основной спрос на энергоносители будет, как и прежде, удовлетворяться за счет газа, нефти и угля. Отсюда — необходимость постоянного поиска, разведки, освоения новых ресурсов и выхода в новые регионы. Ведь возможности многих крупных существующих месторождений в значительной мере исчерпаны, а добыча на них падает.

До последнего времени серьезным стабилизирующим фактором на рынке нефти были избыточные мощности стран ОПЕК, составлявшие до кризиса 4-5 миллионов баррелей в день. Трудно переоценить роль Саудовской Аравии, взявшей на себя стабилизирующую роль. Есть, конечно, Ирак, с его значительным потенциалом роста добычи. Здесь присутствует наш коллега, министр. Я еще раз хочу его поприветствовать и поблагодарить за приезд на нашу конференцию. Наша компания активно участвует в разработке иракских месторождений. Здесь российский опыт и технологии критически важны, так как довоенная нефтяная промышленность этой страны была построена с привлечением советских специалистов.

Однако, при всех геологических преимуществах Ирака, международные нефтяные компании работают там фактически на условиях сервисных контрактов и при высокой доходности берут на себя значительные технические и политические риски. Вряд ли это позволит быстро реализовать потенциал добычи в этой стране, даже с учетом ее геостратегического значения. Таким образом, вне зависимости от геополитической ситуации, полагаться на рост избыточных мощностей в странах ОПЕК у нас нет оснований. По прогнозам Международного энергетического агентства, к 2015 году прирост мощностей энергодобычи в странах ОПЕК составит только 1,4 миллионов баррелей в день, то есть меньше 2% от нынешнего уровня мировой нефтедобычи. Поэтому новые регионы и новые месторождения углеводородного сырья — главная надежда на обеспечение устойчивого равновесия между спросом и предложением на рынках.

Все более явной особенностью развития мирового энергетического рынка становится концентрация традиционных ресурсов в национальных нефтегазовых компаниях. Еще не так давно проекты в нефтегазовой сфере, особенно крупные, осуществлялись ограниченным числом международных нефтяных компаний. Однако сегодня уже национальные компании

контролируют подавляющее большинство традиционных запасов углеводородов. Их технологическая компетенция, финансовые и организационные возможности постоянно растут. Более того, многие технологии перешли к независимым сервисным компаниям, которые, как мы убеждены, должны быть равноправными и важными партнерами, особенно в условиях постоянной потребности в модернизации и инновационном развитии энергетики.

Теперь — несколько слов о роли России на глобальных энергетических рынках. Мне нет необходимости убеждать вас в том, что Россия в перспективе может внести серьезный вклад в обеспечение энергетической безопасности. Мы являемся крупнейшим в мире производителем углеводородов, одним из ведущих производителей угля, атомной энергии и гидроэлектроэнергии. Уверен, что дальнейшие геологические изыскания приведут к существенному расширению ресурсной базы. Нарращивая поставки углеводородов на мировой рынок, Россия, естественно, не может решать проблемы мирового сообщества за счет своих собственных интересов. Для любого ответственного правительства главным приоритетом экономической политики является обеспечение потребностей внутреннего рынка и бюджета. Мы исходим из того, что устойчивый экономический рост России будет сопровождаться существенным приростом энергопотребления. Планируемая диверсификация экономики будет в значительной мере опираться на ресурсы ТЭК. Однако относительная доля ТЭК в ВВП, поступления от экспорта его продукции и объем инвестиций в него, будут последовательно снижаться.

Таким образом, мы видим устойчивую тенденцию роста внутреннего спроса на энергоресурсы. Для российских энергетических компаний поставки на внутренний рынок по своей экономической эффективности уже вполне сопоставимы с экспортными, а по ряду позиций являются более привлекательными. Быстро растет спрос на качественное моторное

топливо, продукцию нефтехимии. Еще один из важных факторов, который необходимо учитывать, говоря о развитии внутреннего рынка, — это необходимость модернизации нефтепереработки, развитие нефтехимии. Как ни парадоксально, в настоящее время Россия производит нефтепродуктов на 60 миллионов тонн больше, чем потребляет. Но эти лишние объемы — это тяжелые средние фракции, которые не создают никакой добавочной стоимости для народного хозяйства и являются не товарным продуктом, а лишь нефтяным сырьем для дальнейшей переработки, в значительной мере происходящей за рубежом. Фактически речь идет о масштабной налоговой дыре. Ведь текущая система налогообложения дает огромные преимущества по прибыли переработчикам, — прежде всего, производителям тяжелых фракций, — по сравнению с нефтедобытчиками. При этом наши нефтеперерабатывающие заводы не используют эту фору для строительства мощностей по алкилированию, изомеризации, реформингу, для насыщения рынка дефицитным высококачественным топливом. Вместо этого по всей стране строятся низкоэффективные установки первичной дистилляции.

Понимание того, как исправить ситуацию, у нас есть. Мы будем менять налоговую и таможенную политику в отношении продуктов с низкой степенью переработки, будем применять и другие меры, стимулирующие выпуск продукции для обеспечения потребностей внутреннего рынка. Мы думаем над мерами по поощрению конкуренции в нефтепереработке, включая независимый процессинг, резервирование поставок нефтепродуктов, введение согласованных положений о техническом регулировании в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства. Мы рассматриваем возможность лицензирования нефтепереработки, внесения изменений в режим землепользования с целью гарантированного обеспечения поставок на внутренний рынок. И право на это у нас есть. Ведь такие поставки как минимум равнодоходны

экспорту. Экономические условия для такой работы в нашей стране существуют. Наращивание выпуска качественных нефтепродуктов — это не временное явление, оно определяется долгосрочными факторами: повышением благосостояния населения, ростом перевозок товаров и грузов.

Отдельно хотел бы сказать о нефтегазохимии. Мы уже приступили к созданию в нашей стране одного из мировых центров нефтегазохимии, и анализ показывает, что мы будем иметь мощную ресурсную базу для реализации этой задачи. В разработку ресурсов будет вовлекаться все больше жирного газа, и, в результате, ежегодно будет вырабатываться свыше 50 миллионов тонн жидких газовых фракций, являющихся наиболее эффективным сырьем для нефтегазохимии. Решая эту задачу, мы должны, в первую очередь, преодолеть отставание в потреблении продуктов глубокой переработки энергетического сектора внутри страны. На слайде можно увидеть данные о потреблении нефтехимической продукции в расчете на душу населения. Разрыв в потреблении между развитыми странами и Россией огромен, только его преодоление в ближайшие 10 лет способно стать ключевым фактором развития отечественной нефтехимии и обеспечить до 2020 года среднегодовой прирост темпов продукции не менее чем в 11%. Соответственно, возрастет внутренняя потребность в энергоресурсах, даже с учетом возможности снижения отдельных энергозатрат.

Таким образом, если смотреть в будущее, то при освоении ресурсов мы должны учитывать как растущий внутренний спрос, так и обеспечение энергетических потребностей мирового хозяйства. Сидящие здесь, в аудитории, руководители российских и международных энергетических компаний прекрасно сознают все многочисленные риски, связанные с освоением новых месторождений: коммерческие, финансовые, технологические, политические и так далее. Естественно, что при освоении

новых регионов мы не можем и не хотим брать все риски на себя. Как я уже сказал, мы не можем быть заложниками непредсказуемого развития событий на рынках энергоресурсов. Страны-потребители также не должны оставаться в стороне. Перекалывание всей ответственности за бесперебойное удовлетворение растущих потребностей человечества в энергии только на производителей вряд ли справедливо. Потребители должны делить с нами эти риски и вносить адекватный вклад в разработку месторождений и развитие транспортной инфраструктуры.

Из вышесказанного следуют три достаточно очевидные мысли. Первая: мы должны диверсифицировать рынки сбыта. Вторая: мы должны находить взаимовыгодные формы стратегического партнерства с мировыми лидерами в области добычи энергоресурсов. Третья: мы должны находить взаимовыгодные формы сотрудничества между производителями и потребителями энергоресурсов.

Что касается диверсификации рынка, вот довольно интересный слайд. Он демонстрирует ту большую работу по развитию инфраструктуры для поставок нефти и газа, которая ведется сейчас в России. Мы расширяем существующие маршруты и открываем новые: от Ямала, Арктики, Сибири, Дальнего Востока до Китая, Японии, Индии. Как показано в только что вышедшем обзоре Международного энергетического агентства, потребности Китая в импорте газа уже к 2020 году достигнут 150 миллиардов кубических метров газа в год, а к 2035 году превысят 330 миллиардов кубических метров. Про Европу я даже не говорю. Это громадная работа, это большие инвестиции, но они дадут нам возможность существенно улучшить обеспечение мирового спроса на энергоресурсы на чисто коммерческой основе, независимо от политической конъюнктуры.

Два года назад мы с вами поднимали вопрос о развитии международного сотрудничества с целью снижения системных рисков на мировых рынках. Присутствующий здесь господин Скарони, президент компании Eni,

высказал тогда мысль о создании глобального нефтяного агентства. Видимо, он с ней уже простился. Мы знаем, что господин Ергин, один из наиболее авторитетных экспертов в области энергетики, тоже многократно предлагал различные варианты повышения надежности и стабильности мировой энергетики, а также развития международного сотрудничества. Интересно было бы сегодня услышать ваше мнение, почему эти идеи не реализуются в той мере, в какой нам бы всем хотелось.

Мы много говорили о необходимости расширить практику долгосрочных контрактов, и наша позиция по этому вопросу не изменилась. Именно долгосрочные отношения дают сторонам гарантии обоснованности реализации крупнейших проектов, столь необходимых современной энергетике. Именно они призваны снижать те риски, о которых мы говорили. С учетом особого значения энергетики для мирового хозяйства, для всех нас важны информационная открытость, обмен ключевыми данными, налоговая прозрачность, прозрачность структуры собственности и механизмов принятия решений. Подчас получается так, что компании из небольших стран и налоговых оффшоров диктуют свою волю крупнейшим национальным игрокам. Наша цель — гармонизация правил игры в странах-производителях и странах-потребителях.

Развивая межгосударственные связи на уровне компаний, мы приступили к реализации концепции стратегического партнерства. У всех на слуху действующие соглашения, которые мы заключили с рядом ведущих международных и национальных компаний: мы всех приветствуем. Это такие мировые гранды, как Total, BP, Statoil, Exxon Mobile, ВНГК, General Electric. Прошедший финансовый кризис еще раз подтвердил, что инвестиции в ценные бумаги, долговые инструменты, акционерный капитал, сколь бы значительными они ни были, недостаточны для обеспечения устойчивого и долгосрочного инвестиционного сотрудничества. Высокая волатильность рынка повышает ценовые риски, спекулятивные движения

капитала не способствуют повышению уровня взаимного доверия. Напротив, прямые инвестиции, обмен активами с физическими объемами сырья приобретают приоритетное значение.

Последние события на рынках показали, насколько наш мир стал взаимозависимым. Коренным образом изменилась роль России: она стала важной составной частью мирового хозяйства. И мы прекрасно понимаем, что дальнейшая интеграция в мировую экономику — неотъемлемое условие успешного экономического роста. Мы открыты для взаимовыгодного сотрудничества и ждем того же от наших партнеров. Примеры, которые я сегодня привел, — это лишь первые шаги в указанном направлении. Таким образом, и Россия стала иной, и мир изменился. Так что разговоры об открытости российской экономики, о долгосрочном международном сотрудничестве как в России, так и за ее пределами, — это для нас не пустые слова. Мы наполняем их реальными делами, и, повторяю, это только начало. Важнейшие принципы сотрудничества остаются для всех одинаковыми: равноправие, учет взаимных интересов, долгосрочные намерения и возникающее на этой основе доверие. Давайте работать, давайте следовать этим подходам. У нас нет предубеждений. Мало говорить о необходимости улучшения инвестиционного климата — надо делать конкретные дела.

Большое спасибо. Надеюсь, что ваше пребывание здесь будет плодотворным и приятным.

Р. Симонян:

Спасибо. Время для того, чтобы задать вопросы и сделать комментарии, будет выделено после того, как выступят все участники. Их в этом году меньше, чем раньше, так что времени будет больше. Господин Танака, пожалуйста. Сегодня несколько раз упоминали о Вас и о работе Вашего агентства.

Н. Танака:

Спасибо большое. Хочу поблагодарить правительство России и господина Сечина за приглашение принять участие в этом важном Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге. Поскольку господин Сечин уже приводил статистику, данные исследований и прогнозы Международного энергетического агентства, нет необходимости объяснять, о чем я хотел бы сегодня поговорить.

Очевидно, что неопределенность ситуации на мировом рынке значительно затрудняет ее оценку и прогнозирование по сравнению с периодом двух или трехлетней давности. Экономический кризис, ситуация с газом, нефтью, обстановка на ближнем востоке, авария на АЭС «Фукусима» – всего не перечислить. Все это усугубляет и без того сложное положение дел. Как гражданин Японии, я очень сожалею о том, что мы создаем огромную проблему для энергетического сектора.

Однако я глубоко убежден в том, что Япония сделает все возможное для стабилизации ситуации и покажет, что с помощью японских технологий и поддержки со стороны других государств можно преодолеть этот ядерный кризис и вновь обрести статус стабильной страны, ориентированной на передовые технологии. Я обещаю, что это произойдет в кратчайшие сроки.

Со дня аварии на «Фукусиме», мы разрабатываем так называемый «сценарий уменьшения роли ядерной энергетики». К сожалению, большинство стран, если не все, сейчас пересматривают стандарты безопасности в отношении ядерной энергетики и проводят оценку рисков. Поэтому, мы полагаем, что наши предыдущие прогнозы в отношении мировой энергетики были слишком оптимистичными. Но в процессе работы мы выяснили, что доля ядерной энергии в спросе на первичные энергоресурсы, которая сейчас составляет в Японии около 14%, снизится до 10%. Что это означает? Это означает, что данный вид энергии нужно

заменить другим. Мы полагаем, что в этом случае возможно использовать три вида источников энергии: уголь, газ и возобновляемые источники энергии. Каков будет результат? Для угля это будет около 130 миллионов тонн, что примерно равно экспорту энергетического угля из Австралии. К 2035 году нам понадобится еще одна Австралия.

Что касается газа, чистый спрос увеличится на 80 миллиардов кубометров. А это текущий объем производства газа в Кувейте или Катаре; нам понадобится еще один Катар. По возобновляемой энергии: нам нужно 460 ТВтч. Это в пять раз больше текущего объема производства возобновляемой энергии в Германии. В данном секторе существует потребность в больших объемах инвестиций.

А главное, все это повлечет тридцатипроцентный рост выбросов CO₂ от энергетического сектора. Вся эта схема довольно сложна и ненадежна, и к тому же затратна. Эти ресурсы, включая горючие ископаемые, необходимо импортировать. Однако данная ситуация создает большие возможности для России в плане экспорта газа, угля и других горючих ресурсов. Это дает ей определенные шансы, которые, конечно, повлекут за собой и определенную ответственность.

Другой сценарий, над которым мы сейчас работаем, мы назвали «Золотой век газа». Мы входим в золотой век газа. Продажи труда господина Ергина идут очень хорошо. Я передам этот экземпляр господину Сечину в подарок. Согласно этому сценарию, для России явно наступает золотой век.

Мы видим, что уровень потребления энергии будет выше прогнозируемого из-за удешевления газа. Однако объем добычи газа будет возрастать гораздо быстрее, поскольку газ станет заменять уголь. Таким образом, к 2035 году газ станет вторым по значению энергетическим ресурсом — объемы его добычи возрастут с нынешних 3,3 триллионов кубометров до 5,1 триллионов кубометров. Согласно данному сценарию, рост составит более 50%.

Несомненно, настает эпоха процветания для производителей газа и газовой промышленности в целом. Но как насчет процветания, если говорить с точки зрения экологии? Это интересный вопрос, потому что, согласно сценарию, уровень выбросов CO₂, к сожалению, не сократится; он останется прежним. Увеличения количества выбросов не будет, но их уменьшение тоже не прогнозируется. Уровень выбросов останется прежним, как говорилось и в нашем предыдущем прогнозе, «Сценарий новой политики».

Причиной явится увеличение спроса со стороны Китая, как уже объяснял господин Сечин, когда говорил о наших прогнозах насчет российского экспорта в Китай, Индию и другие страны Азиатского и Тихоокеанского регионов. Спрос в этих странах во многом объясняет «газовый сценарий».

Случай Германии представляет большой интерес. Германия недавно приняла решение о поэтапном отказе от использования ядерной энергии к 2022 году. Сразу можно сказать, что в этом случае понадобится использование огромного количества возобновляемой энергии, но этого недостаточно, потому что использование возобновляемых источников обходится очень дорого, к тому же потребуются обновление обычных и интеллектуальных сетей и т. д. Итак, газ определенно необходим. Осуществление этого плана означает, что Германии потребуется дополнительно 16 миллиардов кубометров газа.

Возобновляемая энергия очень важна, но, в то же время, газ — это очень важный ресурс, без которого мы пока не можем обойтись. Существует потребность в ресурсах, которые мы сможем рационально использовать в будущем. Это «Сценарий-450», который Международное энергетическое агентство продвигает уже несколько лет.

«Сценарий-450» представляет собой сценарий экологически безопасного пользования ресурсами. В нем ставится задача удержать рост температуры земной атмосферы к 2050 году в пределах двух градусов Цельсия.

«Сценарий новой политики» по своей сути не является сценарием экологически безопасного пользования ресурсами, так как он не гарантирует снижения уровня выбросов CO₂. В отношении уровня выбросов CO₂, как сценарий сокращения использования атомной энергии, так и сценарий увеличения использования газа дают практически ту же величину, что и «Сценарий новой политики». Если говорить об эффективности и о «революции спроса», то нам нужно будет приложить гораздо больше усилий в поощрении таких инициатив, как использование электрических транспортных средств. Необходимы технологии улавливания и хранения углерода.

Мы уже говорили о том, что осуществление «Сценария-450» практически невозможно. Это довольно резкое заявление, но на практике осуществление «Сценария-450» в настоящий момент невозможно. Есть технологии, позволяющие это сделать, но цена применения сценария будет крайне высока. Это проблема, требующая глобального обсуждения изменения климата.

Эффективность очень важна. Для России это сложный вопрос, но субсидии на ископаемые виды топлива увеличивают потребление топлива внутри государства. В Иране, Саудовской Аравии и других странах – производителях ископаемых видов топлива эти ресурсы, очевидно, относительно дешевы, они продаются на внутреннем рынке по ценам гораздо ниже экспортных; это понятно. Но такая ситуация стимулирует расточительное потребление.

Сейчас в России происходят существенные улучшения в отношении энергоэффективности. Однако вернемся к газовому сектору. Такое поэтапное сокращение очень важно, и мы включили этот пункт в рекомендации «большой двадцатке». Мы рады оказать России помощь в осуществлении мероприятий по повышению энергоэффективности и ведем двусторонние переговоры по этому вопросу.

Положительные решения в этом направлении принесут пользу всем — не только странам-производителям и странам-покупателям, но и всем, для кого важна энергоэффективность. Энергетическая безопасность, таким образом, обеспечивается самоограничением в использовании ресурсов.

В заключение хочу сказать, что существует много областей, где требуется возобновляемая энергия в больших объемах. Мы входим в золотой век газа, но не сможем обеспечить долгое и рациональное использование энергоресурсов с помощью только лишь газа. Необходимо будет использовать старые низкоуглеродные технологии, солнечную и ветровую энергию, технологии улавливания и хранения углерода, электрические транспортные средства... но это будет означать конец эпохи дешевой энергии. Электричество, энергия, нефть, газа и так далее – все это обходится очень дорого.

Нам придется признать этот факт, если мы хотим достичь экономического роста. Вопрос в следующем: как нам его достичь? Если мы сократим использование энергии наполовину, но цены на нее удвоятся, наши затраты на энергию останутся прежними. Поэтому, единственный вариант на будущее – энергоэффективность плюс повышение стоимости энергии.

Задача Международного энергетического агентства усложняется. Раньше мы отвечали за энергетическую безопасность, особенно в отношении нефтепродуктов. При необходимости мы пытались выровнять рынок с помощью стратегических товарных запасов. Но если говорить о газовом рынке, о рынке электрической и возобновляемой энергии... Каким образом мы сможем обеспечить энергетическую безопасность в будущем? Господин Сечин подробно рассмотрел вопрос о необходимости глобального управления энергетическими ресурсами или их глобальной организации для стабилизации энергетического рынка. Мы рады заняться этим вопросом. Мы начинаем обеспечивать энергетическую безопасность, если говорить о нефтепродуктах, и укрепляем ее на рынке электроэнергии. Но

для того, чтобы такая организация имела место, мы приглашаем Россию присоединиться к Международному энергетическому агентству. Россия вступает в ВТО, Россия вступает в ОЭСР. Есть ли причины не присоединяться к МЭА?

Мы приглашаем Россию, Китай и Индию принять участие во встречах на уровне министров и вместе обсудить вопросы энергетической безопасности. Со своей стороны, мы поддерживаем дальнейшее сотрудничество этих стран в целях уменьшения глобальной неопределенности и непредсказуемости, чтобы таким образом сократить нестабильность и непредсказуемость в энергетическом секторе.

Спасибо большое.

Д. Ергин:

Господин Танака, дамы и господа! Господин Сечин отдельно отметил роль потрясений и сюрпризов, которые случаются в энергетике чаще, чем мы ожидаем. Как показывает опыт, они неизменно сопутствуют развитию энергетической отрасли. Однако это создает реальные проблемы для будущей инвестиционной деятельности; как правильно сказал господин Сечин, эффект от инвестиций виден через достаточно долгий промежуток времени — через 10, 20 лет. Иногда мне кажется, что в энергетической отрасли длительные сроки реализации проектов стали законом. Все больше мероприятий приобретают долгосрочный характер.

Вторая причина того, почему так сложно справляться с потрясениями и сюрпризами, проста. Как видно из графиков – это рост спроса. Мы заглядываем на 20 лет вперед и видим, что спрос на энергию в мире, возможно, вырастет на 35-40%, а для его удовлетворения необходимо осуществить множество крупных проектов.

Эти потрясения и сюрпризы заставляют серьезнее относиться к вопросам энергетической безопасности и гибкости энергосистемы. Я думаю, сейчас

можно с уверенностью говорить о том, что эти вопросы стали более насущными по сравнению с самым началом века. Можно составить хронологию потрясений, начиная с удивившего всех роста спроса в 2004 году.

Некоторые в этом зале помнят, что еще в феврале 2004 года цены на нефть были в пределах 22-28 долларов, как и всегда, а затем начались колебания, вызванные структурными изменениями нефтяного рынка. Это произошло в результате полномасштабного вхождения Китая и Индии на этот рынок и открытия экономик БРИК, о чем мы слышали сегодня утром.

В 2005 году ураган в Мексиканском заливе повлек за собой последствия, о которых люди во всем мире и не подозревали. Я думаю, это был первый крупный шок для энергетики — не стало одновременно нефти, газа и электричества. Это событие указало на уязвимость современного общества перед масштабными энергетическими потрясениями.

Господин Сечин говорил о безопасном спросе и безопасном предложении и о том, что эти принципы были вынесены на отдельное обсуждение на Санкт-Петербургском саммите «восьмерки» в 2006 году. В 2008 году мы говорили о потребительском шоке, о боязни дефицита, который управляет мировым нефтяным рынком, и последствиях всего этого. И, конечно, два потрясения 2011 года. В первую очередь — «Фукусима», которая повлияла на ожидания, связанные с возрождением ядерной энергетики. Это означает, как мы слышали от господина Танаки, что ядерная энергия будет играть меньшую роль на мировом энергетическом рынке, даже если станет наблюдаться рост спроса.

Во-вторых, довольно серьезная тема, которой мы едва коснулись, — это последствия волнений в странах арабского мира, изменения в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Здесь есть три неопределенных момента. Во-первых, характер создаваемых правительств. Во-вторых, исход борьбы нового вида — борьбы

между социальными сетями и традиционным государственным суверенитетом. Он пока еще неясен. Эти события очень важны для Ближнего Востока. В-третьих, мы должны признать, что в геостратегическом балансе, благодаря которому сохраняется стабильность в той части мира, где сосредоточены 65% мировых запасов нефти, происходят изменения, которые до сих пор неясны. Все это вкупе с боязнью терроризма усиливает сомнения в отношении энергетической безопасности. Очевидно, разногласия по вопросу ядерной программы Ирана увеличиваются с каждым днем; к этому стоит прибавить проблему нестабильности в Йемене, которая может оказаться серьезнее, чем мы думаем.

Ситуация в этой, очень важной части мира вызывает тревогу. Таким образом, мы видим, что на данный момент существует множество рисков; но каких рисков стоит ожидать в будущем? Помимо вопроса о вступлении России в МЭА, господин Танака обратил внимание на важность вовлечения Китая и Индии – новых крупных покупателей – в международную энергетическую систему, во избежание возникновения конкуренции, которая может перерасти в соперничество государств во время напряженности или кризиса. Как мы уже видели, это может быть очень затратно, принимая во внимание длинные логистические цепочки и обеспечение их безопасности. И третий момент, о котором я хочу сказать, – это неоднократные интернет-атаки, уязвимость энергетических систем, на которые мы полагаемся, для атак хакеров.

На днях глава компании Sony рассказывал о влиянии хакерских атак на его компанию. Он заявил, что мы живем не в «дивном новом мире», а в «плохом новом мире». Это большая проблема для энергетического сектора. Итак, учитывая фундаментальную важность энергетики для всех остальных отраслей, позвольте мне высказать несколько предположений о возможных подходах к проблеме энергетической безопасности. В первую очередь, необходимо рассматривать этот вопрос с точки зрения физической

безопасности: способности обеспечить базовую защиту, защитить цепи поставок.

Во-вторых, я считаю, что концепция энергетической безопасности предполагает способность обеспечить своевременное создание энергоресурсов.

Третий момент уже был озвучен здесь господином Танакой и господином Сечиным. Речь идет о важности усилий как государственных властей, так и международных организаций для создания программ по предупреждению трудностей в энергетике, борьбе с ними и ликвидации их последствий. Такое взаимодействие помогает избежать паники и борьбы, при которой, как я уже говорил, экономическая напряженность перерастает в национальные конфликты, – или, по крайней мере, помогает регулировать такие ситуации.

И в-четвертых, довольно специфический момент, который мы обсуждаем уже на протяжении нескольких лет. Это необходимость убедиться в том, что инвестиции, необходимые для осуществления долгосрочных планов по обеспечению достаточности энергоресурсов, сделаны своевременно и в полном размере.

В заключение, я хочу предложить несколько тем для размышления. Первый вопрос: достаточно ли развита диверсификация? Господин Сечин говорил о диверсификации рынков и логистических каналов, как об основе энергетической безопасности. Второй вопрос: достаточно ли гибки и жизнеспособны наши системы? Смогут ли они противостоять потрясениям и шокам? Третий вопрос: интеграция всех энергетических рынков, взаимосвязь между которыми постоянно растет, и управление этой интеграцией. Четвертый – как показал нам 2008 год – потребность в качественной информации. Достаточно ли у нас качественной информации? Знаем ли мы рынок настолько хорошо, чтобы не дать панике, слухам и спекуляции перевесить и привести к серьезным последствиям?

И последний вопрос – это, конечно, необходимость достижения правильного баланса между контролируемостью и жизнеспособностью рынков, а также — как говорил сегодня утром Президент — способностью рынков раскрываться, как парашюты и быть достаточно гибкими, чтобы реагировать в моменты кризисов.

Р. Симоньян:

Прошу прощения, минутку.

Д. Ергин:

Напоследок я бы хотел коснуться еще двух моментов.

Первое: все более насущной становится проблема диверсификации поставок газа, который, в известном смысле, является базовым видом топлива, объемы производства которого будут расти. Второе: в заключение вернемся к России, к тому, с чего начал господин Сечин. Неопределенность ситуации на Ближнем Востоке снова заставляет вспомнить о России как о крупнейшем производителе и втором по величине экспортере, обладающем богатыми запасами природного газа. Трудно переоценить роль этой страны в системе энергетической безопасности и, конечно, в энергосистеме в целом. Многие из присутствующих в этом зале представляют эту систему. Россию действительно можно назвать бастионом глобальной системы энергетической безопасности. Все мы знаем, что принимая самые важные решения, мы исходим из будущих поставок и будущих инвестиций. Многие из присутствующих здесь принимают непосредственное участие в принятии таких решений.

Я думаю, что если вы посмотрите на проблему со стороны, с точки зрения энергетической безопасности, станет ясно, что характер и развитие ресурсов нового поколения в России, инвестиции в них, важны не только для России, но и для глобальной системы поставок энергоресурсов. Более

того, перечисленное выше имеет огромное значение для системы энергетической безопасности и, вследствие этого, для безопасности всех государств мирового сообщества.

Р. Симонян:

Большое спасибо.

Мы услышали очень интересные доклады, в которых тема энергетической безопасности рассматривалась с разных сторон. Давайте перейдем к обсуждению докладов. У нас есть подготовленные ответы, есть неподготовленные. Если кто-то хочет спросить прямо, по наитию — пожалуйста.

Вы знаете (об этом говорилось сегодня во всех докладах, и господин Танака это очень хорошо показал), одним из крупнейших потрясений в последнее время стала трагедия на «Фукусиме». Соответственно, идет пересмотр прогнозов развития ядерной энергетики, и поэтому мне хотелось бы задать два взаимосвязанных вопроса. Первый, наверное, Сергею Владиленовичу: то, о чем говорил господин Сечин, — дальнейшее развитие ядерной энергетики, наращивание мощностей, — насколько это является утопией? Что здесь может сделать Россия? Представителям западных компаний я потом задам вопрос о том, какие возможности для сотрудничества с Россией создает этот golden natural gas, как сказал господин Танака. Прошу, господин Кириенко. Только желательно очень коротко, в течение одной-полутора минут.

С. Кириенко:

Я попробую. Уважаемые коллеги, как уже сказал Игорь Иванович, мы абсолютно убеждены, что обеспечить безопасное развитие атомной энергетики возможно. Первое: это требует технологий нового поколения, о которых Игорь Иванович уже говорил. Такие технологии есть. Второе: это

требует совершенствования международного законодательства; стандарты безопасности МАГАТЭ, которые сегодня являются рекомендательными, должны стать обязательными. Точно так же обязательными должны стать открытость информации и регулярность ее доставки. Мы думаем, что это должно делаться в рамках МАГАТЭ, в том числе должна быть повышена роль Всемирной ассоциации операторов атомных станций, потому что, кроме самих станций, крайне важен опыт эксплуатирующей организации, квалификация эксплуатирующего персонала.

Наконец, важнейшая вещь в атомной энергетике — это референтность, то есть наличие не теоретических проектов, а практически реализованных. Такие проекты есть, на сегодняшний день они есть и в России. Это то, о чем говорил сегодня на открытии Форума Президент России: референтные проекты, соответствующие постфукусимским требованиям. Понятно, как именно должны измениться эти требования, такие решения есть, и они уже имеют практический характер. Мы все равно понимаем, что даже самый пессимистический для атомной отрасли сценарий — один из сценариев господина Танаки, когда доля отрасли падает, — требует от нас примерно двукратного увеличения мощности атомных станций. Это крайне масштабная задача. Я хотел бы обратить внимание на то, что одна из важнейших особенностей атомной энергетике, кроме ответственности за вклад в энергобаланс в ближайшие годы, — это еще и вклад в экологию, в уменьшение выброса парниковых газов.

Мы глубоко убеждены в том, что путь к новому этапу развития энергетике, который начнется через 30—40 лет (и при этом непонятно, каким он будет), — что путь к этому новому этапу лежит через знания, опыт, инфраструктуру и квалификацию, которые создаются сегодня, в том числе в атомной отрасли. Поэтому она является еще и локомотивом инновационного развития в энергетике. Спасибо.

Р. Симонян:

Спасибо большое. Мне кажется, здесь присутствует представитель компаний E.ON, доктор Бернхард Ройтерсберг. У них есть и атомные мощности, и крупнейшие электроэнергетические мощности. Насколько, по-вашему, произошедшие события приведут к росту спроса на российский газ в Европе?

Б. Ройтерсберг:

Прежде всего, сегодня уже несколько раз упоминали ситуацию в Германии. Политическое решение уже принято, и я не буду его комментировать. Это было демократическое решение, и мы принимаем его как факт. Но вопрос энергетической безопасности в Германии сейчас, конечно, рассматривается кардинально иным образом. В соответствии с принятым решением, мы должны будем закрыть 17 АЭС в течение следующих 10 лет. Достаточного резерва у нас нет, поэтому будет необходимо откуда-то брать электроэнергию.

С принятием моратория, мы смогли перекрыть потребность в энергии, превратившись из экспортера в импортера. Это, скажем так, первая мера. Главный вопрос: что будет происходить в течение следующих 10 лет? Действительно ли Германию ожидает золотой век газа?

Целью большинства политиков, конечно, является полный переход Германии на возобновляемые источники энергии. Все мы понимаем, что этому не суждено случиться, потому что, нам в любом случае нужны резервные мощности. Мы должны изменить характер рынка, сделать его из либерального более ориентированным на запасы, а иначе никто не станет инвестировать в газовые мощности.

Вопрос: если мы ограничены периодом в 10 лет, есть ли у нас техническая возможность построить 10-12 новых крупных ТЭЦ с газотурбинными установками? И это, вероятно, одна из основных задач, которые нам

предстоит решить, если мы действительно полностью хотим перейти на возобновляемую энергию, имея при этом резервные газовые мощности.

Р. Симонян:

Спасибо большое.

Р. Симонян:

В связи с дополнительным спросом на российский газ, в свете обеспечения энергетической безопасности, вполне логично встает вопрос: какую роль в укреплении этой безопасности могут сыграть «Северный» и «Южный» потоки, вокруг которых было много дебатов? Но они реализуются — во всяком случае, северный. Поэтому я попросил бы господина Паоло Скарони сказать два слова на этот счет. Насчет российского газа и новых газопроводов.

П. Скарони:

Спасибо. Вопросы энергетической безопасности и надежности поставок газа в первую очередь, конечно, зависят от наличия газа. Из этого вытекает необходимость инвестирования в разведку, освоение и эксплуатацию месторождений. Но когда мы транспортируем газ в страны-покупатели, то чем меньше транзитных стран у нас на пути, тем надежнее будут поставки. Проекты газопроводов «Северный поток» и «Южный поток» были созданы с целью обеспечения поставок газа из России напрямую в европейские страны-покупатели. Если страны Евросоюза будут использовать больше газа, в чем, как мы знаем, и заключается вопрос, то нам понадобится еще больше таких газопроводов.

Другая мера, необходимая для установления энергобезопасности Европы — обеспечение более высокой надежности цепей поставок. Я имею в виду усиление взаимодействия между логистическими каналами внутри самой

Европы, с помощью которых газ будет перемещаться из одной точки в любую другую точку внутри Европейского Союза. И это вполне может быть российский газ, почему нет?

Р. Симонян:

Так Вы полагаете, что будет существовать достаточный спрос на дополнительный российский газ с учетом строящихся сейчас газопроводов?

П. Скарони:

Россия — один из немногих источников газа для Европы, и здесь есть потенциал увеличения спроса. Поэтому, я думаю, что будущие поставки российского газа в Европу – это необходимость. Это шанс, в первую очередь, для Европы. Газ – очень легкодоступный энергетический ресурс, который все мы используем на протяжении многих лет. Он стабильнее и надежнее многих других ресурсов.

Р. Симонян:

Спасибо.

Р. Симонян:

Мне бы хотелось попросить Паула ван Гелдера, руководителя компании Gasunie, сказать о «Северном потоке»: в какой мере «Северный поток» сыграет ту роль, которая ему предназначалась, какие сложности были с реализацией проекта, каких ошибок Вы бы не повторили? И насколько Вы довольны результатом?

П. ван Гелдер:

Я не буду начинать с перечисления ошибок, потому что пока не заметил ни одной. Я очень рад тому, что мы принимаем участие в проекте «Северный

поток». Наша доля в этом проекте составляет 9%. Как мы все знаем и как было сказано в предыдущем выступлении, этот проект играет ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности Европы. Но что еще более важно – здесь я согласен с моим коллегой из Eni – это продолжать инвестировать в соединительные системы и в строительство новых газопроводов для перекачки газа внутри Европы.

Это вопрос крайней важности, и здесь требуются крупные вложения. Вопрос требует внимания лидеров Европейских государств и понимания того, что газ – не переходный этап, это основной вид топлива в будущем. Признание газа основным ресурсом требует создания европейской законодательной базы, которая позволила бы привлечь крупные вложения в строительство новых газопроводов для перекачки газа внутри Европы и доставки его конечным потребителям.

Р. Симонян:

Значит, Вы считаете, что диверсификация инфраструктуры с участием международных и российских компаний — это правильный путь для обеспечения энергетической безопасности на перспективу?

П. ван Гелдер:

Перед нами стоит сразу несколько задач. Для обеспечения поставок мы должны инвестировать в геологоразведку, в поиск новых месторождений. Но кроме этого, нужно инвестировать в строительство газопроводов. Многие забывают о том, что мы начали использовать газ около 40-50 лет назад; моей компании в 2013 году будет уже 50 лет.

Появляется необходимость вкладывать деньги в реконструкцию и модернизацию. Нужно учитывать снижение объемов производства в Северном море, изменение газовых потоков, необходимость вложения средств в реконструкцию и модернизацию, а также во внутриевропейскую

газопроводную инфраструктуру. Перед нами стоит задача осуществления масштабных инвестиций, а для этого необходимо создать стабильный инвестиционный климат.

Р. Симонян:

Спасибо. Тема инвестиционного климата в России была сегодня одной из тем выступления президента, об этом много говорилось на сегодняшней сессии. И критически важная роль России в обеспечении энергетических потребностей также обсуждалась. Давайте перейдем к той части выступления Игоря Ивановича, где он говорил о необходимости налаживания крупномасштабного сотрудничества для освоения ресурсов России. Простите, у нас сейчас короткая пауза, но следующий вопрос будет Питеру... к нашей работе присоединяется Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев. Дмитрий Анатольевич, рады видеть Вас постоянным участником нашей сессии, спасибо.

Д. Медведев:

Я даже сценарий знаю: мы сейчас опять будем определять цену чего-нибудь.

Р. Симонян:

Будем голосовать, но не сразу.

Д. Медведев:

Не овощи, надеюсь? Я на ту сессию зашел?

Р. Симонян:

Вы зашли туда, куда надо. В двух словах о том, что обсуждалось, поскольку я от всех требую говорить не больше полутора минут, и сам должен тоже уложиться.

Первое — то, что, несмотря на все прогнозы и долгосрочные модели, в мире будут происходить потрясения разного характера, растущий спрос будет удовлетворяться за счет углеводородного сырья. Ресурсы углеводородного сырья в известных регионах быстро истощаются. Россия может сыграть критически важную роль в удовлетворении потребностей человечества в целом и в удовлетворении растущих потребностей внутреннего рынка. И наконец, для того, чтобы эффективно разрабатывались российские ресурсы, мы должны открывать эти ресурсы для международного сотрудничества и делить риски между производителями и потребителями, и в целом делать международную энергетику более прозрачной, более открытой.

Сейчас у нас идет дискуссия. Она началась с того, что мы попытались оценить, как пересмотр оценок развития ядерной энергетики в свете произошедшей трагедии повлияет на рынки. Ситуация — во всяком случае, для России, — выглядит хорошо, поскольку потребуются значительные дополнительные поставки газа в Европу, и не только в Европу. С этим все согласны. А сейчас мы переходим к вопросу о том, что такое инвестиционный климат в России, насколько выгодно и надежно вкладывать деньги в развитие российской экономики, и в частности, энергетики.

Вопрос Питеру Возеру, руководителю компании Shell: чем, по-Вашему, международные компании, такие, как Shell, могут помочь в развитии ресурсной базы? Зачем нам нужны иностранные инвесторы, особенно в освоении новых шельфовых месторождений?

П. Возер:

Я считаю, что ключевой вопрос как для России, так и для всего мира заключается в развитии энергетического сектора с помощью непрерывного инвестирования. Мы должны обеспечить наличие в России технологий и инноваций, подходящих для применения в современных проектах. Кроме того, нам нужны инновации для разработки новых проектов, таких, как газовые и нефтяные проекты в Арктике.

Я считаю, что для этого необходимы определенные стимулы и варианты сотрудничества, которые бы не ограничивались нефтяным и газовым бизнесом. Не вызывает сомнений тот факт, что мы можем способствовать развитию российской экономики в смежных отраслях, например, наладив производство необходимых материалов и компонентов здесь, в России. Я полагаю, что ситуация, когда мы разрабатываем месторождения для всего мира с помощью новейших технологий, развивая их на месте, выгодна для всех; развивая другие отрасли, мы осуществляем вклад в российскую экономику.

Здесь нужны другие стимулы, и в этом вопросе мы можем сотрудничать с такими нашими партнерами, как «Газпром», «Роснефть» и Правительство Российской Федерации. Мне было бы интересно услышать вашу точку зрения на этот вариант развития событий в течение нескольких следующих лет и соображения насчет удовлетворения растущего глобального спроса на энергетические ресурсы.

Р. Симонян:

Спасибо. Мне бы хотелось задать вопрос тем инвесторам, которые уже имеют опыт вложения денег в российскую экономику. Причем давайте отойдем от нефти и газа. Я хотел бы задать вопрос Фульвио Конти, возглавляющему компанию Enel, которая инвестировала большие деньги в развитие российской энергетики. Вопрос такой: насколько реальность

соответствует Вашим ожиданиям на тот момент, когда Вы вкладывали деньги?

Ф. Конти:

Я рад подтвердить готовность нашей компании инвестировать в Россию. Пять лет назад мы заявили о намерении осуществить инвестиции на сумму 8 миллиардов евро и выполним свое обещание к 2015 году. Мы были убеждены, что процессы либерализации и приватизации набрали силу, но я должен признать, что сейчас они в некоторой мере замедляются. Эти процессы необходимо возобновить, в частности, в отношении реконструкции, восстановления и модернизации существующих производственных мощностей. Крупные программы требуют особого внимания в плане законодательных и нормативных актов. Нужно задуматься об обновлении сетей, привлечении новых технологий, улучшении распределения электроэнергии внутри страны — это необходимо для поддержания и дальнейшего повышения уровня социального обеспечения и промышленного развития.

Я надеюсь, в будущем мы сможем увидеть признаки того, что доступ к распределению газа внутри России и возможность влиять на его цену могут быть даны иностранным и национальным инвесторам. Я говорю это, как национальный производитель.

Я предлагаю рассмотреть вариант создания расчетной палаты для соотнесения потребностей в распределении с мощностью сетей и, возможно, для создания свободной конкуренции на рынке, предоставления потребителям возможности самостоятельно выбирать поставщиков. Существует большая потребность в четком, устойчивом законодательном и нормативном регулировании, а также в стимулировании инвестиций в создание новых генерирующих мощностей или модернизацию существующих.

Если мы сможем работать вместе над созданием законодательной базы, которая даст зеленый свет инвестиционной активности, можете положиться на нас в этом вопросе.

Р. Симонян:

Спасибо. То есть Вы довольны тем, что инвестировали, или, если бы вернулись на пять лет назад, что-то сделали по-другому?

Ф. Конти:

Я всегда говорю, что хотел бы инвестировать в будущие проекты больше. Но для этого мне нужна более совершенная законодательная база и более высокая цена, — тогда можно будет осуществить крупные инвестиции в модернизацию существующих сетей, а не только в создание новых. Повторю еще раз: стимулы, которые имели место в 2005 году, к сожалению, ослабевают.

Я прошу Ваше правительство, господин Президент, и Вас, господин Сечин, сделать законы и нормативы более лояльными по отношению к нам и позволить нам внести свой вклад в виде технологий, способствовать улучшению ситуации и обеспечить инвестиционную активность в будущем.

Р. Симонян:

Вопрос, опять-таки, к тем, кто имеет опыт инвестирования и в России, и за рубежом: в какой мере инвестиции в Россию, с вашей точки зрения, защищены? В какой мере защищены права инвесторов, права собственников и так далее? Насколько российский режим — я имею в виду экономический режим — отличается от других режимов, в которых вы работаете, и что бы вы хотели изменить? Давайте я задам этот вопрос господину Даррикарреру.

И.-Л. Даррикаррер:

На первый вопрос, «Что мы думаем об инвестиционном климате в России и что мы тут делаем?», я хочу ответить в духе вступительной речи господина Сечина — сейчас не время для разговоров, время действовать.

Хотелось бы напомнить, что совсем недавно мы инвестировали в «Новатек» 4 миллиарда долларов, поэтому, вероятно, нет дальнейшей необходимости в пояснении нашей точки зрения на инвестиционный климат в России.

Что касается Вашего второго вопроса, «Каким образом возможно дальнейшее улучшение инвестиционного климата?», у меня есть два кратких комментария. Во-первых, сегодня компания Total участвует в двух крупных проектах — Штокмановское и Ямальское месторождения, — которые требуют больших капиталовложений. Чтобы эти вложения приносили прибыль, нам определенно требуется усовершенствованное налогово-бюджетное регулирование. Если оно будет усовершенствовано, адаптировано под стимулирование инвестиционной активности, это, несомненно, поспособствует улучшению инвестиционного климата.

Продолжая мысль Питера Возера о стимулировании местного производства, скажу, что эти крупные проекты дают возможность для развития нефтяной отрасли в России. И конечно, с учетом такого развития, постепенная передача новых технологий на прагматической основе будет также способствовать дальнейшему улучшению инвестиционного климата.

Р. Симонян:

Спасибо. Господин Даффин, представляющий компанию Exxon, насколько комфортно Вы чувствуете себя в России как инвестор? Только очень коротко.

Н. Даффин:

Интересно рассматривать этот вопрос на материале разных стран — насколько отличается результат. Конечно, инвестиционная деятельность в разных странах ведется на разных уровнях, но на самом высоком из них, на уровне крупных инвестиций, мы видим много общего. Мы видим, что во многих странах сейчас запускается все больше и больше масштабных проектов; если раньше стоимость их исчислялась сотнями миллионов, то сейчас это пять, десять, двадцать миллиардов долларов.

Я бы хотел еще раз акцентировать внимание на том, что уже было сказано моими коллегами: очень важно, что, сохраняя участие в существующих долгосрочных проектах, мы начинаем новые, рассчитанные на 20 или 30 лет. Таким образом достигается долговременный баланс между инвесторами, их партнерами и, конечно, правительством, через получение прибыли от проектов, уплату налогов и/или развитие местной промышленности.

Р. Симонян:

Я согласен с тем, что говорилось: что сильных, драматических изменений не будет, но будет тенденция в сторону диверсификации, и будет рост влияния народного юаня. Спасибо.

Р. Варданян:

Спасибо. Уважаемый Дмитрий Анатольевич, уважаемые коллеги!

Конечно, вопросы, которые сегодня прозвучали, доклады Игоря Ивановича Сечина, господина Танаки, Дэниэла Ергина очень актуальны, потому что без энергетической безопасности мы не решим тех макроэкономических проблем, которые сегодня стоят и будут стоять в дальнейшем перед человечеством. На наш взгляд, для того, чтобы их успешно решать, — и это сегодня в докладах прозвучало, — необходимо увеличить объем производства как углеводородов, так и других источников энергии. Каким

образом это можно сделать? Конечно, за счет освоения новых регионов — как в мире, так и в России.

Вторая часть — это внедрение инноваций, которое также требует громадных капитальных вложений. Можно, конечно, сегодня, вкладывая эти средства, добиться увеличения затрат, но тогда это вызовет опять подъем цен и скажется на всех макроэкономических показателях. С другой стороны, сегодня многие уже имеют опыт инвестиций. Можно делить риски и вкладывать, но для этого, конечно, должна быть защита инвестиций. Сегодня в России довольно развито корпоративное право, существует законодательная защита инвестиций. Право ушло во многом дальше, чем в зарубежных странах, в том числе в Европейском Союзе.

И должна быть улица с двусторонним движением. Если не снижать затраты на добычу, на транспорт, на переработку, то многие проекты станут просто убыточными. Мы говорим о защите инвестиций в Российской Федерации, но, конечно, нам надо думать и о защите инвестиций россиян в других странах, в том числе в Евросоюзе. Спасибо за внимание.

Р. Симонян:

Спасибо, Владимир Леонидович.

В докладе Игоря Ивановича прозвучала мысль о том, что одним из основных способов сотрудничества в освоении российских ресурсов будут стратегические партнерства. И такие партнерства заключаются. Что-то получается, что-то нет. То, что получается, и так очевидно. А то, что не получается, у всех на слуху. Поскольку здесь сидят и Боб Дадли, и Эдуард Худайнатов, хотелось бы спросить: а почему не получилось стратегическое партнерство у «Роснефти» и BP? Боб?

Р. Дадли:

В этом вопросе у каждой компании есть своя специфика, но я бы хотел вернуться к некоторым местам в выступлениях Дэна Ергина и Нила Даффина, где они говорили о характере долгосрочных проектов и инвестиций в нашей отрасли.

Думаю, мало кто не слышал о том, что в этом году компания BP предложила, по моему мнению, новаторскую концепцию сотрудничества между транснациональной нефтяной компанией и крупнейшей российской нефтяной компанией «Роснефть». Она предусматривала проведение разведывательных работ в Арктике и стратегическое взаимодействие в других частях земного шара.

Нам не удалось создать такие коммерческие условия, которые были бы приемлемы для всех остальных компаний-участниц. Однако я думаю, что концепции стратегического сотрудничества, подобные этой, приносят пользу России, энергетическим рынкам и всем компаниям, принимающим участие в таких проектах.

При этом компания BP занимается инвестициями в России на протяжении более 20 лет. Это были крупные инвестиции, которые принесли пользу. Мы заинтересованы в инвестиционной деятельности в России, заинтересованы в существовании крупного совместного предприятия TNK-BP, у которого, на мой взгляд, очень большие перспективы.

Мы заинтересованы в установлении новых партнерских отношений — например, таких, какие у нас есть с «Роснефтью» в области нефтепереработки в Германии. Как компания, мы готовы содействовать созданию организационно-технологических возможностей, направленных на поддержку отрасли. В ответ на Ваш вопрос скажу так: новостей пока нет, но мы, как и всегда, заинтересованы в будущих проектах.

Р. Симонян:

Спасибо. Эдуард?

Р. Симонян:

Уважаемый Дмитрий Анатольевич, уважаемые дамы и господа!

«Роснефть» и ВР являются давними партнерами по проектам, таким, как «Сахалин-5» на шельфе Сахалина, у нас есть хорошие результаты по исследованию российской Арктики. Согласно нашему протоколу, это четырехлетняя работа. Недавно мы стали партнерами по нефтепереработке и дистрибуции в Европе: это наши четыре завода в проекте «Ойл Германия». «Роснефть» очень хотела, чтобы наш стратегический альянс состоялся, но, к сожалению, ВР не смогла завершить сделку, закрыть ее, и не по причине каких-то российских препон, законодательных актов. Тем не менее, British Petroleum остается нашим партнером, и мы продолжаем работу по существующим проектам. Что касается развития Арктики, то мы также продолжаем эту работу и ведем активную деятельность после выхода из соглашения. И в ближайшее время, до конца этого года, мы определимся с нашим стратегическим партнером. Благодарю.

Р. Симонян:

Спасибо.

Д. Медведев:

А можно мне сказать два слова?

Р. Симонян:

Конечно.

Д. Медведев:

У вас очень жестокая дискуссия. В каком плане? Вы говорите об инвестиционном климате, позвав курирующего отрасль вице-преьера из правительства и случайно зашедшего сюда президента. Это мне напоминает дискуссию между кошкой и мышкой, которых заперли в одной комнате и говорят: вот, мышь, тебе нравится кошка? Или не очень? Вам нравится инвестиционный климат в России или у вас есть какие-то проблемы с этим?

Если говорить серьезно, то такого рода обсуждения все равно очень полезны, потому что по некоторым нюансам и даже недосказанностям, которые звучат в ответах — прежде всего, наших зарубежных коллег — можно понять, что им не нравится. Во-первых, всегда есть то, что не нравится, а во-вторых, о некоторых вещах не принято говорить, но эти недосказанности, или нюансы, которые здесь звучат, должны анализироваться нашим правительством. Я имею в виду создание нормативной базы и участие в соответствующих процедурах наших иностранных партнеров и инвесторов. Это очень важно.

Р. Симонян:

Спасибо. Вы тоже уложились в отведенное время.

Р. Варданян:

У меня большой опыт.

Р. Симонян:

Спасибо. А теперь самая веселая часть нашей сессии — голосование, как мы и предполагали. Попробуем спрогнозировать на будущий год сначала цену на нефть, а потом цену на газ. Пожалуйста, возьмите пульты для голосования. После того, как прозвучит звуковой сигнал, вы выбираете предпочтительный для вас вариант ответа. На голосование 30 секунд.

Времени осталось мало: две секунды, одна, все. О'кей, мы решили. Видите результаты? Результаты, между прочим, интересные.

Д. Медведев:

Очень предсказуемые.

Р. Симонян:

Мы всю сессию говорили о шоках, но шоков, судя по всему, никто не ожидает — ни в сторону повышения, ни в сторону понижения. Ну, дай бог, чтобы так и оказалось. Так, второе... голосуем за цену газа. Сигнал звуковой. Поехали. Но после того как мы закончим голосовать, я попрошу Алексея Борисовича Миллера прокомментировать, потому что он у нас единственный угадал цену в прошлом году.

Д. Медведев:

Если честно, мне четвертый тоже нравится больше всего. Я соглашусь с Сергеем Евгеньевичем.

Р. Симонян:

А вот мы проверим.

Д. Медведев:

Он бы проголосовал.

Р. Симонян:

Доверяй, но проверяй. Так. Примерно то же самое, да? Более оптимистичная оценка по ценам (я имею в виду, выше цены), чем в прошлом году. И по существу — сохранение статус-кво. Алексей Борисович, что скажете?

А. Миллер:

Господин Симонян, в прошлом году мы с Вами договаривались вернуться к нашим прогнозам, к нашим оценкам. Вы помните: когда я давал свою оценку прошлогоднему голосованию, то сказал словами Чехова, что этого не может быть, поскольку этого не может быть никогда. Почти 65% голосующих тогда сказали, что цена на газ будет меньше чем 300 долларов. А Вы знаете, я и сегодня не согласен с результатами голосования по цене на газ. Могу сказать, что даже организаторы...

Р. Симонян:

Фантазии не хватило поставить...

А. Миллер:

Я думаю, да, не хватило. Я думаю, с той градацией, которая представлена, надо было еще поработать, поскольку на сегодняшний день мы видим на рынке растущий тренд, и в этом году нас ждут новые рекорды по ценам на газ.

Р. Симонян:

Алексей Борисович, назовите цифру.

А. Миллер:

Если честно, мне четвертый тоже нравится больше всего. Я соглашусь с Сергеем Евгеньевичем.

Р. Симонян:

Вот так, запомните все.

А. Миллер:

Я не знаю, сбудется ли этот прогноз, но могу сказать, что наверняка не ошибусь в прогнозе, который могу дать. Сегодня поступило приглашение в адрес России: вступить в Международное энергетическое агентство. Думаю, что в течение ближайшего года Россия не вступит в Международное энергетическое агентство. Международное энергетическое агентство — будучи организацией, которая представляет интересы стран-потребителей, формирует их сценарии, стратегии, видение развития энергетического рынка. В этом ценность Международного энергетического агентства. Я думаю, что России, в первую очередь, надо развивать с ними открытый, конструктивный диалог. И конечно, возвращаясь к прогнозам на цены, соглашусь с теми оценками, которые были приведены в докладе господина Ергина. Сейчас время сюрпризов и рекордов, и, может быть, новые сюрпризы и рекорды нас ждут на энергетическом рынке.

Р. Симонян:

Спасибо, Алексей Борисович. Я объявляю об окончании этой сессии. Работа проделана хорошая. Посмотрим, сбудутся ли прогнозы. И независимо от того, кто кем себя ощущает, кошкой или мышкой, я думаю, что при открытом и эффективном диалоге будут находиться взаимоприемлемые решения. Спасибо.